

МАЙКЛ УОЛЦЕР

О терпимости

Перевод
И. Мюрнберг

Общая
научная редакция **М.А. Абрамов**

ИДЕЯ ПРЕСС

Дом
Интеллектуальной
книги
Москва 2000

ББК 87.3 У63

Данное издание выпущено в рамках программы
Центрально-Европейского Университета "Books for Civil Society"
при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI—Budapest) и
Института "Открытое общество. Фонд Содействия" (OSIAF — Moscow)
и при содействии Public Affaires Section (PAS)

Выражаем благодарность
за информационную помощь в подготовке издания Американскому центру
(г. Москва, ул. Никольямская, д. 1, тел. (095) 956.32.60)

УОЛЦЕР Майкл

У 63 О терпимости. Перевод с англ. яз. И. Мюрнберг. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
—160 с.

Майкл Уолцер — один из наиболее проникательных, здравомыслящих, сострадательных и образованных теоретиков, пишущих на политические темы. Книга "О терпимости" представляет собой краткое, но элегантное и ясно сформулированное размышление о проблемах мультикультурализма. "Предметом моего исследования, — пишет автор, — является терпимость ли, лучше сказать, то, что делает терпимость возможной, а именно мирное сосуществование групп людей с различной историей, культурой и идентичностью".

ISBN 5-7333-0019-1

ББК 87.3

Copyright © 1997 by Yale University Press

© Перевод с англ. яз. Мюрнберг И.
© Художественное оформление Жегло С.
© Идея-Пресс, 2000
© Дом интеллектуальной книги, 2000

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Личные установки и политические институты

"Всегда начинай с отрицаний, — посоветовал мне как-то мой бывший учитель, — скажи своим читателям, чего ты не собираешься делать; это облегчит их задачу и настроит их на более благосклонное восприятие твоих скромных начинаний". Итак, разговор о терпимости я начинаю с одного-двух утверждений отрицательного свойства. Я не собираюсь рассматривать вопрос о терпимости, проявляемой в отношении эксцентричных личностей или инакомыслящих в гражданском обществе или даже в государстве. При всей справедливости утверждения о том, что в основе всякой терпимости лежат права личности, меня интересуют в первую очередь те права, которыми люди пользуются сообща (в рамках добровольных ассоциаций, отправлений религиозного культа, в порядке культурного самовыражения или местного самоуправления) и которых, от лица своих членов, добиваются группы. Довольно просто проявлять терпимость по отношению к эксцентричной личности, одинокой в своей неповторимости. Кроме того, неприятие обществом эксцентричности, противодействие ей, будучи весьма неприглядными явлениями, все же не представляют собой большой опасности. Гораздо выше ставки, когда речь идет о группах инакомыслящих и эксцентричных личностей.

Не собираюсь я рассматривать также и политической терпимости, проявляемой в отношении оппозиционных групп и партий. Последние являются соперниками в борьбе за политическую власть, и в этом качестве они необходимы для демократических режимов, буквально выдвигающих требование наличия альтернативных лидеров (лидеров, обладающих альтернативными программами), даже если инаковым и не удастся когда-либо победить на выборах. Они — участники единого начинания, подобные членам состязающихся между собой баскетбольных команд, без которых не может быть игры и которым поэтому дано право забивать мячи и, по возможности, одерживать победу. Проблемы возникают только в случае если люди, которые хотят прервать или вовсе остановить игру, продолжают провозглашать права игроков и незыблемость (защиту) правил. Часто таким образом создаются серьезные препятствия, мешающие продолжению игры, но они не имеют ничего общего с толерантным отношением к различиям, свойственным демократической политике. Скорее, речь здесь должна идти о терпимости в отношении срыва кампании (или к угрозе срыва), но это совсем иное дело.

Также не является выражением нетерпимости к различиям запрет участия в демократических выборах партии, антидемократизм которой закреплен в ее программе; подобное есть не что иное, как благоразумие. Проблема терпимости возникает гораздо раньше, до того, как встает вопрос о власти, — в момент формирования того религиозного сообщества или идеологического движения, которое затем преобразуется в партию. На этой ранней стадии члены названного сообщества просто живут среди нас, отличаясь ото всех остальных отсутствием либерализма или демократизма. Должны ли мы терпимо относиться к их убеждениям и поступкам и, если должны (а я полагаю, что должны), как далеко должна простираться эта терпимость?

Итак, предметом моего рассмотрения является толерантность в отношении культурно-религиозных различий и различий в образе жизни, т.е. таких, при которых разнящиеся друг от друга люди не являются партнерами в каком-либо деле или начинании и существование между ними различий не является неотъемлемой частью какой-либо игры или иной объединяющей их и культивируемой ими необходимости. Множественность этнических групп и религиозных общин не является непереносимым условием существования общества — даже либерального. Существование и даже расцвет такого общества вполне совместимо с культурной гомогенностью. Однако недавно данному тезису было противопоставлено утверждение, согласно которому либеральный идеал индивидуальной автономии осуществим лишь в рамках "мультикультурного" сообщества; в этом случае осмысленный выбор становится возможен лишь благодаря существованию различных культур¹. Но свобода выбора может реализовываться независимой личностью и на профессиональном поприще, и при выборе друзей и партнеров по браку, и при оказании предпочтения той или иной политической доктрине, партии и движению, и при выборе городского, пригородного или сельского образа жизни, и при следовании стереотипам высококультурного, просто культурного либо же вовсе не культурного поведения — и т.д. и т.п. Как представляется, ничто не мешает автономии личности в достаточной мере проявиться в рамках единой культурной группы.

Существование групп такого рода, в отличие от демократических политических партий, не требует наличия других таких же групп. Когда плюрализм — социальный факт (а это так и есть), некоторые группы соперничают с другими в поисках своих сторонников среди индивидов, слабо связанных узами какой-либо групповой принадлежности либо вовсе от них свободных. Однако главной их целью является сохранение стиля жизни своих собственных членов, воспроизводство групповой культуры или "судьбы" в последующих поколениях. Их устремления характеризуются прежде всего духовностью, то есть именно тем, чего нельзя сказать об устремлениях

¹ Raz J. Multiculturalism: A Liberal Perspective // *Dissent* (winter 1994), pp. 67—79.

политических партий. В то же время они требуют определенного рода расширенного социального пространства (вне дома и быта) для собраний, богослужений, дебатов, празднований, осуществления взаимопомощи, школьного обучения и т.п.

Что же следует понимать под толерантным отношением к указанным группам? Понятая как некая установка или умонастроение, толерантность включает в себя ряд возможностей. Первая из них — уходящая своими корнями в практику религиозная терпимость XVI—XVIII веков — есть не что иное как отстраненно-смирненное отношение к различиям во имя сохранения мира. Так, на протяжении веков люди продолжают убивать друг друга, а затем наступает спасительная стадия изнеможения: ее-то мы и называем терпимостью². Вместе с тем имеется и ряд более существенных способов принятия различий. Второй возможной установкой является позиция пассивности, расслабленности, милостивого безразличия к различиям: "Пусть расцветают все цветы". Третий вытекает из своеобразного морального стоицизма — принципиального признания того, что и "другие" обладают правами, даже если их способ пользования этими правами вызывает неприязнь. Четвертый выражает открытость в отношении других, любопытство, возможно, даже уважение, желание прислушиваться и учиться. И последнее в данном ряду — восторженное одобрение различий, одобрение эстетическое, при котором различия воспринимаются как культурная ипостась огромности и многообразия творений Божьих либо природы; или же это — одобрение функциональное, при котором различия рассматриваются (например, либеральными сторонниками мульткультурализма) как неотъемлемое условие расцвета человечества, предоставляющее любому мужчине и любой женщине всю полноту свободы выбора, ибо именно свобода выбора составляет смысл их автономии.

Но, возможно, этот последний способ является из ряда вон выходящим, ибо как можно говорить о терпимости в отношении того, что мною одобряется? Если я хочу, чтобы другие находились здесь, в этом обществе, вместе с нами, то, значит, я не просто терпимо отношусь к различиям, но и поддерживаю факт их существования. Это, однако, не означает, что я непременно поддерживаю ту или иную конкретную разновидность различий. Вполне возможно, что я предпочитаю какую-то другую разновидность, более близкую мне в культурном либо религиозном плане (либо, возможно, более отдаленную, экзотичную и потому не представляющую угрозы в плане конкуренции). В любом плюралистическом обществе всегда найдутся люди, для которых толерантное отношение к тем или иным конкретным отличиям — скажем, к форме отправления религиозного культа, строению семьи, структуре питания, сексуальному поведению или манере одеваться — будет делом весьма сложным. Такие люди, одобряя само по себе существование различий, способны не более чем терпеть те или иные конкретные отличия. Но даже и тех людей, кто не испытывает названных трудностей, правильно будет называть терпимыми: они готовы предоставить место под солнцем для тех мужчин и женщин, чьих верований они не разделяют и образ поведения которых копировать не желают; они сосуществуют с "инаковостью", которая — при всем их одобрительном отношении ко всему, что отличается от того, что известно им, — есть все же нечто чуждое и странное. О каждом человеке, способном на такое поведение — безотносительно к тому, испытывает ли он при этом

чувство отстраненности, безразличия, стоического прития, любопытства или восторженности, — я готов говорить, что он обладает добродетелью терпимости.

Как будет показано ниже, многим успешным толерантным режимам присуща независимость от какой-то конкретной формы данной добродетели; они не требуют, чтобы все, кто живет при данном режиме, занимали одно и то же место в ряду перечисленных возможных отношений. Вполне вероятно, что при одном режиме терпимость гораздо легче осуществлять через отстраненность, безразличие или стоицизм, а при другом Лучшим образчиком такого изнеможения и последовавших за ним благочестивых соображений является история французских

Даже различия между преимущественно коллективистскими и преимущественно индивидуалистическими режимами не отражаются на их исходных установках. Но не упрочивается ли качество толерантности по мере продвижения по указанной шкале? Не должны ли, например, государственные средние школы способствовать продвижению людей по этой шкале? На деле же любая из названных установок, коль скоро она достаточно утвердилась, стабилизирующее влияет на терпимость. В качестве наилучшей образовательной программы вполне могло бы выступать красочное описание религиозных и этнических войн. Несомненно, межличностные отношения людей из разных культур можно было бы и улучшить, развив их толерантность сверх того

² *politiques* XVI века. Краткий рассказ о них см. в ст.: Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought vol. 2: *The Age of Reformation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978, pp. 249—54.

минимума, обеспечить который призваны подобные красочные описания нетерпимости. Но данное утверждение одинаково верно для всех толерантных режимов; ни в одном из них успехи, достигнутые в политической сфере, не находятся в зависимости от состояния межличностных отношений. В конце, однако, я должен буду поставить вопрос о том, относится ли все вышесказанное и к зарождающейся "постсовременной" разновидности толерантности.

Пока же я намерен рассмотреть все те социальные уклады, благодаря которым мы опосредуем различия, сосуществуем с ними, позволяем им занимать определенное место в социальном пространстве в качестве институционализированных форм добродетели как таковой. Исторически (на Западе) существовало пять [типов] политического устройства, допускающих терпимость, пять моделей толерантных обществ. Я не претендую на создание исчерпывающего перечня таких обществ, но считаю, что учел наиболее важные и интересные варианты. Очевидно, возможны и режимы смешанного типа, я же хочу сейчас в общих чертах описать данные пять типов, подходя к ним как с исторической, так и с идеализированно-типологической точки зрения. Затем я исследую некоторые смешанные случаи, рассмотрю те проблемы, с которыми сталкиваются различные устройства, и, наконец, скажу несколько слов о социальном бытии и самосознании тех мужчин и женщин, которые сосуществуют ныне на принципах толерантности (меня интересует здесь лишь момент непосредственного следования этим принципам: ведь толерантность всегда является непрочным достижением). В каких конкретных поступках находит свое выражение наше толерантное отношение к различиям?

мать различия и заняли ту или иную из ступеней описанной мною выше градации терпимости. Но выживание различных автономий не зависит от того, принимают они различия или нет. Оно зависит исключительно от терпимости власти по отношению ко всем этим автономиям — власть же была терпимой главным образом во имя поддержания мира: хотя различные чиновники по-разному мотивировали свое поведение, мало кто из них уделял различиям должное внимание, мало кто с энтузиазмом защищал различия ". Часто этих имперских бюрократов упрекают в том, что они следовали принципу "разделяй и властвуй", и порой это соответствует действительности. Но следует помнить о том, что не они создали ту разобщенность, из которой возможно извлекать выгоду, и, вполне вероятно, люди, которыми они правят, сами желают, чтобы их разделяли и чтобы ими правили — хотя бы во имя поддержания мира.

Исторически имперское владычество является наиболее удачным путем опосредования различий и облегчения (точнее, насаждения) мирного сосуществования. Но путь этот не является ни либеральным, ни демократическим — по крайней мере, он никогда не был таковым. Какой бы характер ни носили различные "автономии", стоящий над ними режим всегда автократичен. Не хочу идеализировать эту автократию; ради сохранения своих завоеваний она способна идти на жестокие репрессии — свидетельства тому мы находим у историков Вавилона и Израиля, Рима и Карфагена, Испании и страны ацтеков, России и татар. Но устоявшееся имперское правление зачастую характеризуется толерантностью — и именно благодаря тому, что оно насквозь является автократичным (не связанным с интересами или предрассудками какой-либо из покоренных групп и равноудаленным ото всех них). Римские проконсулы в Египте или британские генерал-губернаторы в Индии, при всех их предрассудках, при всей присущей их режимам коррумпированности, осуществляли, пожалуй, более взвешенное правление, чем это сделал бы на их месте любой из местных принцев или тиранов — фактически, в их правлении было больше взвешенности, чем у распоряджающегося ныне правящего большинства.

Автономия, существующая в рамках империи, склонна замыкать индивида в рамках его родного сообщества, тем самым придавая ему однозначную этнически-религиозную идентичность. Эта автономия толерантна в отношении групп, их властных структур и традиций, но не в отношении мужчин и женщин, живущих своей собственной жизнью (исключение здесь составляют лишь несколько космополитических центров и столиц государств). Находящиеся в составе империи образования не являются добровольными ассоциациями, исторически они не обладают развитыми либеральными ценностями. Несмотря на то, что некоторые индивиды (например, новообращенные и отступники) то и дело пересекают границы империи, сообщества, существующие в рамках империй, по большей части имеют закрытый характер. Ими насаждается та или иная разновидность религиозной ортодоксии, предписывается следование традиционному образу жизни. До тех пор пока такого рода сообщества защищены от наиболее суровых видов преследования, до тех пор пока им позволяется управлять собственными делами, они демонстрируют поразительную выносливость. Но они же способны демонстрировать крайнюю жестокость в отношении инакомыслящих, в которых видят угрозу собственному единству, а порой и собственному существованию.

Таким образом, у единичных инакомыслящих и еретиков, индивидов, лишенных определенной культурной идентичности [космополитов], семейных пар, составленных из представителей разных общин, а также у их детей

появляется заинтересованность в том, чтобы переселиться в столицу империи, которая благодаря этому переселению, как правило, превращается в весьма толерантное и либеральное место (вспомним Рим, Багдад и имперскую Вену или, еще лучше, Будапешт)³. Кроме того, столица становится единственным местом, в котором социальное пространство видится как состоящее из отдельных людей. Все прочие (включая вольнолюбцев и потенциальных диссидентов, не имевших возможности сменить место жительства по экономическим причинам или из-за связывающих их семейных обяза-

тельств) продолжали жить в гомогенных местностях или регионах, где каждый подчинялся порядкам, царящим в собственном сообществе. Здесь их терпели как членов коллектива, но как индивиды, в чем бы то ни было отличающиеся от других, они не могли рассчитывать не только на радушный прием, но и на элементарную безопасность. Бесконфликтное смешение общин имело место лишь на нейтральных территориях, например на рынках или в имперских судах и тюрьмах. При всем этом, жизнь таких сообществ по большей части протекала мирно, бок о бок с другими сообществами, в условиях соблюдения устоявшихся культурных и географических границ.

Наиболее поучительным примером имперской разновидности того, что мы зовем мультикультурализмом, является древняя Александрия. Население этого города состояло примерно в равных долях из греков, евреев и египтян, и в правление Птолемея сосуществование этих трех общин, кажется, было на удивление мирным⁴. Впоследствии римские чиновники время от времени ставили в привилегированное положение греческую часть подданных — вероятно, из-за культурного родства или, может быть, из-за того, что те обладали более совершенной политической организацией (только греки официально признавались гражданами), и этот отход от имперского нейтралитета оборачивался возникновением в городе кровавых стычек. Развернувшиеся в среде александрийских евреев мессианские движения — отчасти явившиеся ответом на враждебность римлян — в конечном счете привели мультикультурное сосуществование к печальному концу. Но то, что целые века протекли здесь мирно, наводит на мысль о большом потенциале, присущем имперскому режиму. Интересно отметить, что, хотя названные сообщества оставались разделенными в правовом и социальном аспектах, между ними поддерживалось немалое коммерческое и интеллектуальное взаимодействие — отсюда появление эллинистической разновидности иудаизма, возникшей под влиянием греческих философов из-под пера александрийских авторов типа Филона⁵. Только в имперском контексте возможно представить себе нечто подобное.

Существовавшая в пределах Османской империи система *милле-тов*⁶ олицетворяет другую, более развитую и более долговечную, разновидность имперского толерантного режима⁶. В этом случае самоуправляемые общины носили чисто религиозный характер, а поскольку сами османы являлись мусульманами, они ни в коем смысле не отличались религиозным нейтралитетом. Ислам был государственной религией этой империи, но и трем другим религиозным общинам — греческой православной, армянской православной и еврейской — было разрешено образовывать автономные организации. Между ними существовало равенство — безотносительно к тому, насколько эти общины различались по своей численности.

³ Фактически, имперский космополитизм воспроизводился и в не столь крупных городах, местных центрах, таких, как Рушук, дунайский портовый город в Болгарии, где вырос Элиас Канетти. В эпоху Османской империи Рушук превратился в многокультурный город, в котором жили болгары, евреи, греки, албан-Чы, армяне и цыгане. См. описание Канетти в кн.: *Canetti. The Tongue Set Free*, "ans. Joachim Neugroschel. N.-Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1979.

⁴ Здесь я ссылаюсь главным образом на: *Fraser P. M. Ptolemaic Alexandria*, 3 vols. Oxford: Oxford University Press, 1972, особенно vol. I, ch. 2, а также: *Tcherikover V. Hellenistic Civilization and the Jews*, trans. S. Applebaum. N.-Y.: Atheneum, 1979, особенно pt. 2, ch. 2.

⁵ Филон Александрийский (ок. 25 до Р.Х.—до 50 по Р.Х.) иудейско-эллинистический философ. Оказал значительное влияние на раннюю патристику своим аллегорическим методом толкования Библии. Его учение, однако, осуждено на Никейском вселенском соборе в 325 г. — *Прим. ред.*

⁶ Члещким словом *millet*, ныне переводящимся как *нация*, во времена Османской империи обозначалось объединение единоверцев религиозная община. — *Прим. Ред.* Историю османской империи см. в кн.: *Christians and Jews in the Ottoman Empire: the Functioning of a Plural Society* / Braude B., Lewis B. (eds.), vol. 1: *The Central Lands*. N.-Y.: Holmes and Meier, 1982; теоретический анализ системы миллетов, полезное напоминание о том, что права индивидов являются не единственным "особым опосредованием религиозного плюрализма" см. в ст.: *Kymlicka W. Two models of Pluralism and Toleration // Toleration: An Elusive Virtue*, pp. 81—105.

На членов этих общин распространялись те же ограничения, что действовали в отношении мусульман (таковые касались, например, одежды, обращения в иную веру и брака с иноверцами); им доверялся также контроль за соблюдением законности внутри своей общины. *Мил-леты* (этим словом обозначалась религиозная община) меньшинств подразделялись по этническому, языковому и региональному признакам; таким образом, данная система допускала некоторые различия в отправлении религиозного культа. В отношении же собственной общины члены ее не обладали правом свободы совести или ассоциаций (каждому человеку надлежало быть членом того или иного сообщества). Однако на стыках сообществ наблюдалась наибольшая толерантность: так, в XVI веке члены секты караитов, исповедовавшей разновидность иудаизма, пользовались в Османской империи фискальной самостоятельностью, хотя и не имели статуса самостоятельного *миллета*. В этом еще одно свидетельство того, что империя готова была приспособливаться к группам, но не к индивидам — если только сами группы не останавливали свой выбор на либерализме (как это, очевидно, произошло в случае с протестантским *миллетом*, появившимся на закате Османской империи.) Ныне все это ушло в прошлое (последней империей являлся Советский Союз): и автономные образования, и тщательно оберегаемые границы, и удостоверения личности, содержащие указания на этническую принадлежность их владельцев, и столицы-космополиты, и вездесущая бюрократия. На закате империй практика предоставления автономии сходила на нет (что, вероятно, и было одной из причин распада империй). Сфера полномочий автономных образований была резко сужена вследствие возникновения современных идей о суверенитете, а также тоталитарных идеологий, несовместимых с опосредованием различий. Но этнические и религиозные различия сохранились, и везде, где их существование было связано с компактным проживанием соответствующих общин на определенной территории, органы местного управления, более или менее репрезентативные, сохраняли за собой некоторые минимальные функции и некоторую символическую власть. А после распада империи они очень быстро смогли превратиться в разновидность государственной машины, приводимой в движение националистической идеологией и нацеленной на завоевание суверенной власти. Всеми этому достаточно часто противостояли официальные местные меньшинства, сильно выигравшие в свое время от существования имперского режима, а ныне превратившиеся в его последний оплот. Конечно же, суверенитет дает членство в международном сообществе — самом толерантном из всех сообществ, — но вступить в него до недавнего времени было не так просто. В данной работе я буду касаться международного сообщества лишь коротко и эпизодически. Между тем важно признать, что большинство групп, компактно проживающих на определенной территории, предпочли бы, чтобы их терпели в качестве национальных государств (или религиозных республик) со своими правительствами, армиями и границами — государств, сосуществующих с другими национальными государствами на основе взаимоуважения или, в крайнем случае, на основе общего (пусть даже и редко применяемого) законодательства.

Международное сообщество

В рамках настоящего обзора международное сообщество — аномалия, так как оно явно не является внутренним режимом; некоторые сказали бы о нем, что оно — вообще не режим, а некое анархичное и незаконное состояние. Если бы подобное соответствовало действительности, названное состояние характеризовалось бы абсолютной терпимостью: все можно, ничто не запрещается (и не разрешается) — даже если многие из членов данного уклада страстно желают что-либо запретить или разрешить. На деле же международное сообщество не анархично; оно представляет собой некий весьма слабый режим, но как режим он толерантен — несмотря на нетерпимость, свойственную некоторым из составляющих его государств. Сообщество государств толерантно (в пределах, о которых я сейчас скажу) в отношении всех находящихся в его составе образований, достигших государственности, равно как и в отношении разрешенных этими образованиями обычаев. Толерантность является неотъемлемой чертой суверенитета и одним из важных оснований его желательности.

Суверенитет служит гарантией того, что никто из людей, находящихся *по ту* сторону границы, не сможет вмешаться в происходящее *по эту* сторону. Отношение людей, находящихся по ту сторону, к тому, что происходит по эту, может быть отстраненным, безразличным, стоическим, может выражать любопытство или восторг — и при всем том люди, находящиеся *вне*, могут быть не склонны вмешиваться в дела тех, кто *внутри*. Или же они могут усвоить логику взаимоуважения суверенитетов: мы не станем вмешиваться в ваши дела, если вы не будете вмешиваться в наши. "Живи и жить давай другим" — данному девизу могут без труда следовать те, кто живет по разные стороны четко очерченной границы. В иных случаях не исключена и активно

враждебная позиция в отношении друг к другу, каждая из сторон может с негодованием отрицать культуру и обычаи соседей, но при этом уклоняться от прямого конфликта с ними. Природа международного сообщества такова, что за каждое прямое вмешательство приходится расплачиваться дорогой ценой военной мобилизации, нарушения границ и человеческих жертв с обеих сторон.

Вторую из двух названных позиций обычно занимают дипломаты и государственные деятели. Они приемлют логику соблюдения суверенитета, но при этом оказываются неспособны закрывать глаза на тех личностей и на те события, мириться с которыми они не находят возможным. Их долг состоит в том, чтобы вести переговоры с тиранами и Убийцами, и (что еще важнее для нашего исследования) они должны Уметь согласовать интересы своей страны с интересами стран, в культуре и религии которых преобладают такие реалии, как, например, жестокость, угнетение, женоненавистничество, расизм, рабство и пытки. Пожимая руки тиранам, принимая от них хлеб-соль, дипломаты делают это, так сказать, не снимая перчаток; такого рода контакты не имеют нравственного значения. Иное дело — заключаемые ими договоры: их нравственное значение состоит в их толерантности. Признавая ту или иную страну в качестве суверенного члена международного сообщества, они делают это во имя мира или руководствуясь тем убеждением, что культурно-религиозная реформа должна идти изнутри, быть делом тех, кто живет в данной местности. Они признают их политическую независимость и территориальную целостность — качества, являющие в своей совокупности гораздо более весомую разновидность общинного самоуправления, чем та, что имела место в многонациональных империях.

Дипломатический церемониал и протокол дают нам некоторое представление о формальной стороне толерантности. Эта формальная сторона присутствует, хотя и не столь очевидно, и в нашей частной жизни: ведь нам часто приходится существовать бок о бок с группами, с коими мы не желаем иметь тесных социальных контактов. Задача обеспечения бесконфликтности такого сосуществования выпадает на долю государственных служащих, являющихся своего рода дипломатами в сфере внутренней жизни общества. Разумеется, государственные служащие наделены большими полномочиями, нежели собственно дипломаты; поэтому и обеспечиваемое ими мирное сосуществование носит более обязательный характер, чем то, что имеет место между входящими в состав международного сообщества суверенными государствами.

Но суверенитет также имеет свои пределы, которые наиболее четко обозначены в правовой доктрине гуманитарного вмешательства (*humanitarian intervention*). В принципе нетерпимыми признаются поступки и обычаи, "возмущающие человеческое сознание" ⁷. Ввиду того, что международное сообщество является слабым режимом, данное утверждение на практике может означать только то, что любое государство, являющееся членом этого сообщества, имеет право прибегнуть к силе, дабы положить конец происходящему в другом государстве — члене сообщества, если речь идет о чем-то поистине ужасном. Принципы политической независимости и территориальной целостности не могут быть убежищем для варварства. Вместе с тем никто не обязан применять силу; данный режим не обладает институтами, в чьи функции входила бы борьба с разного рода нетерпимыми проявлениями. Даже в случаях наличия факта явной и крупномасштабной жестокости гуманитарное вмешательство является делом полностью добровольным. К примеру, то, что учинили в Камбодже "красные кхмеры", не могло быть терпимо ни с моральной, ни с правовой точек зрения, а так как вьетнамцы все же решились вторгнуться в эту страну и положить конец тому, что в ней творили "красные кхмеры", нетерпимость в отношении последних стала свершившимся фактом. Но столь счастливое совпадение отношения нетерпимости с нетерпимостью как поступком имеет место не часто. Сама по себе гуманитарная нетерпимость, как правило, оказывается фактором, неспособным перевесить риски, сопряженные с интервенцией, а необходимые для осуществления таковой дополнительные побудительные причины — будь то причины геополитические, экономические или идеологические — появляются далеко не всегда.

Сказанным, однако, не исчерпываются те ограничения, которые способен налагать на толерантность суверенитет. Как бы там ни было, нетерпимые типы поведения, практикующиеся внутри некоторых суверенных государств, могут послужить поводом для наложения экономических санкций со стороны одного или же всех членов международного сообщества. Поучительным, хотя и нетипичным примером тому является наложение частичного эмбарго на практикующие апартеид страны Южной Африки. Целям выражения нетерпимого отношения служат также коллективное осуждение, прекращение культурного обмена и активная пропаганда, хотя подобного рода санкции редко оказываются действенными⁸. Так что можно сказать, что международное сообщество исповедует

⁷ О том, что составляет эти пределы, см. мою дискуссию с Дэвидом Лубаном в кн.: *International Ethics / Beitz Ch., Cohen M., Scanlon T., Simmons A. J. (eds.), Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985, pp. 165—243.*

⁸ Данные примеры нетерпимости, составляющие альтернативу вооруженной

терпимость из принципиальных соображений, и еще оно бывает толерантным вопреки собственным принципам — вследствие собственной слабости как режима.

Консоциативное (сообщественное) "устройство"

Прежде чем рассмотреть национальное государство как потенциально толерантное общество, я хочу кратко остановиться на морально более близком, но менее вероятном с политической точки зрения преемнике многонациональной империи — объединении двух или трех национальных государств⁹. Примеры Бельгии, Швейцарии, Кипра, Ливана и мертворожденной Боснии говорят о том, что подобный вариант включает в себя целый ряд возможностей, а также о том, что он чреват катастрофой. Консоциативное устройство как программа являет собой героическое начинание, ибо оно стремится сохранить имперский стиль сосуществования сообществ без имперских бюрократов и без сохранения той дистанции, которая и делала этих бюрократов более или менее беспристрастными правителями. Ныне уже не существует никакой единой силы, стоящей над всеми группами и выказывающей им свою толерантность; группы сами должны толерантно относиться друг к другу, они должны сами вырабатывать условия мирного сосуществования.

Данная идея — идея простого, никем не опосредованного объединения двух-трех сообществ в результате свободного договора двух или более сторон (а на практике — их лидеров и их элит) — весьма привлекательна. Они договариваются об установлении определенного конституционного строя и общественных институтов, распределяют между собой должности и ведут политический торг, цель которого — защитить собственные не всегда совпадающие интересы. Но консоциативное устройство не является совершенно свободной конструкцией. Как правило, к началу официальных переговоров об объединении сообщества уже имеют у себя за плечами многолетний опыт сожительства (а точнее, соседства). Возможно, сначала их объединяет имперское господство, а может быть, первый импульс к объединению дает им именно борьба против этого господства. Как бы там ни было, роль предпосылки будущих связей играет здесь соседская близость: сосуществование на одной и той же земле — если не в одних и тех же деревнях, то по обе стороны некой условной и легко преодолимой границы. Ранее эти группы вели между собой торговлю, воевали и заключали мир в пределах собственной ограниченной территории — но всегда с оглядкой на полицию или армию некоего зарубежного владыки. Теперь же им предстоит действовать лишь с оглядкой друг на друга.

В подобном новообразовании нет ничего невозможного. Успешность объединения наиболее вероятна в случае, если оно произошло до возникновения в рамках отдельных общин сильных националистических движений, до того, как эти общины придут в состояние идеологической мобилизации. Легче всего достичь такого объединения путем переговоров между элитами старых "автономий"; зачастую эти элиты питают истинное уважение друг к другу, они взаимно заинтересованы в стабильности и мире (и, очевидно, в сохранении собственного авторитета) и готовы разделить между собой власть. Но последующая судьба выработанных элитами договоренностей, содержание которых отражает размер и экономическую силу объединенных сообществ, находится в зависимости от того, насколько стабильна их социальная база. Можно сказать, что характер кон-социативного устройства зависит от того, строится ли оно на принципе конституционно ограниченного господства одной из сторон или на принципе приблизительного равенства сторон. Именно на основе названных принципов и происходит распределение должностей, установление квот на заполнение государственных учреждений и расходование общественных фондов. Там, где данным принципам отдают должное, все социальные группы пребывают в относительной безопасности, сохраняют собственные обычаи — возможно, даже собственные законы — и имеют право говорить на своем языке не только дома, но и в общественных местах. Старые устои остаются незыблемыми.

Именно страх разрушения устоев способен подорвать консоциативное устройство. Социальные или демографические перемены, так сказать, смещают центр тяжести, нарушают равновесие размера и силы, грозят разрушить существующий стереотип господства или равенства, подрывают прежние установления. Внезапно какая-то из сил начинает казаться опасной всем другим силам. Взаимная терпимость зиждется на вере — и не столько в добрую волю друг друга, сколько в институциональные гарантии, призванные защитить нас от воздействий злой воли других. Но в данной ситуации подобные институциональные гарантии исчезают, и возникшее в результате чувство незащищенности делает невозможной терпимость. Живя рядом с кем-то, кто представляет для меня опасность, я не могу относиться к нему толерантно. Чего боюсь я? Того, что

⁹ См.: Lijphart A. Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Haven: Yale University Press, 1977.

консоциативное устройство превратится в обычное национальное государство, в котором сам я окажусь в составе меньшинства и мне придется надеяться

на толерантное отношение к себе со стороны моих бывших союзников, которые теперь уже не будут нуждаться в моей толерантности. Ярким примером столь печального конца консоциативного устройства является Ливан, судьба которого пошла как раз по описанному выше пути. Правда, в Ливане имело место нечто большее, чем чисто социальные перемены. В принципе, новая демографическая обстановка в Ливане или новая экономика должны были привести к отрицанию там старых устоев, к простому перераспределению должностей и общественных фондов. Но сопутствовавшая этим переменам идеологическая трансформация превратила все это в труднодостижимые цели. Националистическо-религиозные страсти и их неизбежные спутники — недоверие и страх — превратили процесс передела в гражданскую войну (и поставили Сирию в положение миротворца имперского толка). Вышеописанное наглядно показывает, что конфедерация является доидеологическим режимом. Национализм и религия не исключают терпимости, и в этом случае наиболее предпочтительной, с моральной точки зрения, формой реализации толерантности способно стать консоциативное устройство. Однако на практике наиболее вероятным из толерантных режимов является в настоящее время национальное государство — режим, при котором формирование общественной жизни и реализация толерантности в отношении национально-религиозных меньшинств приходится на долю какой-то одной, а не двух-трех групп, каждая из которых борется за собственное место под солнцем, толерантно относясь к остальным.

Национальные государства

Большинство государств, входящих в международное сообщество, являются национальными государствами. Данное название не означает, что все они обладают национально (или этнически, или религиозно) гомогенным населением. В современном мире такая гомогенность если и встречается, то редко. Термин *национальное государство* означает лишь, что какая-то одна господствующая группа организует жизнь всего общества в соответствии с собственной историей и культурой и, если все идет, как задумано, осуществляет исторический прогресс и развивает культуру. Названные задачи определяюще влияют на характер народного образования, символику и церемониал общественной жизни, устанавливаемый государством календарь будней и праздников. В отношении отдельно взятых историй и культур национальное государство не является нейтральным; его политический аппарат является движущей силой воспроизводства нации. Именно ради обретения контроля над средствами такого воспроизводства национальные группы стремятся к государственности. При этом отдельные представители группы могут желать и гораздо большего; их амбиции могут охватывать весь спектр целей — от политической экспансии и господства до экономического роста и процветания своей родины. Единственным же действительным оправданием их начинаний является свойственное людям стремление к самоувековечиванию.

Построенное таким образом государство может, тем не менее, быть толерантным к меньшинствам, как это бывает в случае либеральных и демократических национальных государств. Терпимость принимает здесь различные формы, хотя она редко когда решается на предоставление меньшинствам той полноты автономии, которую те знавали в бытность империй. Особенно трудно претворить в жизнь региональную автономию, ибо в этом случае живущие в данном регионе представители господствующей нации окажутся у себя дома под властью "чужих". Нечасто встречается также и корпоративное устройство; национальное государство уже само по себе есть некая корпорация, и в этом качестве оно претендует на монополию в рамках собственного социального пространства.

Толерантность национальных государств направлена, в первую очередь, не на группы, а на их членов, которых оно, как правило, воспринимает стереотипно, прежде всего как граждан, а уже затем как членов того или иного меньшинства. Как граждане они обладают равными с прочими гражданами правами и обязанностями, от них ожидают позитивного участия в политической культуре большинства; как представители меньшинства они обладают стандартными для него чертами, им разрешается образовывать добровольные ассоциации, общества, частные школы, культурные общества, взаимопомощи, издательства и т.п. Им не разрешается создавать автономные организации и вводить внутри своей группы собственное законодательство. Религия, культура и история меньшинств отнесены здесь к сфере частной жизни групп, к которой общество в целом — национальное государство — всегда относилось с подозрением. Любое популзновение, связанное с переносом элементов культуры меньшинств в сферу общественной жизни, как правило, вызывает тревогу у представителей большинства (отсюда, например, дискуссия во Франции по

поводу ношения в средних школах предписанных мусульманам их верой головных уборов). В принципе, речь идет не об ущемлении прав индивидов, но определенное подталкивание их к ассимиляции в господствующей нации (по крайней мере, в том, что касается поведения на публике) стало достаточно частым явлением и до недавнего времени проходило весьма успешно. В XIX веке немецкие евреи, говоря о себе, что они являются "немцами на улице и евреями дома", демонстрировали тем самым стремление следовать нормам национального государства, сделавшего условием толерантности превращение принадлежности к меньшинству в личное дело каждого¹⁰.

Одной из главных сфер, в которых имеет место как навязывание этой нормы, так и сопротивление ей, является политика в отношении национального языка. Для многих наций наличие общего языка является как бы ключом к единству. Само формирование этих наций отчасти явилось следствием процесса лингвистической стандартизации, в ходе которой региональные диалекты были вынуждены уступить место диалекту центра — хотя одному-двум диалектам все же удавалось выжить, и тогда они становились средоточением альтернативного — субнационального или "протонационального" (protonational) — сопротивления. В результате, как свидетельствует история, господствующая нация всякий раз обнаруживала активное неприятие прочих языков, отводя им роль исключительно языков внутрисемейного общения или отправления религиозного культа. С этим связано и обычное для господствующей нации требование, чтобы национальные меньшинства изучали язык большинства и пользовались им повсеместно в общественной жизни — при голосовании, в суде, при заключении договоров и т.д.

Что же касается меньшинств, то они — в случае, когда они достаточно сильны и, особенно, когда они компактно проживают на определенной территории — неизменно стремятся завоевать право пользоваться собственным языком в государственных школах, в правовых документах и при выражении публичных волеизъявлений. Иногда язык какого-либо из меньшинств признается в качестве вто-

рого государственного языка; однако чаще им пользуются лишь дома, в церкви и в частных школах (либо же его медленно и болезненно утрачивают). Одновременно господствующая нация становится свидетелем того, как в устах меньшинств трансформируется ее собственный язык. Лингвистические академии стремятся сохранить "чистоту" национального языка или то, что они под ней разумеют, но их соотечественники порой с поразительной легкостью воспринимают иностранные заимствования и речевые нововведения меньшинств. Полагаю, что способность (или неспособность) к заимствованиям также является своеобразным тестом на толерантность.

Национальные государства, даже либеральные, оставляют меньше простора для проявления различий, чем империи или консоциативные устройства и, конечно, гораздо меньше, чем международное сообщество. Поскольку те, кто составляют объект терпимости в меньшинствах, являются также и гражданами — со всеми присущими гражданам правами и обязанностями, — их образ жизни чаще, чем в условиях многонациональных империй, становится предметом рассмотрения большинства. Принятая — либо, по крайней мере, не пресекаемая — внутри данной группы традиционная практика дискриминации и господства может быть признана неприемлемой после того, как члены этой группы обретут статус граждан (некоторые из подобных случаев будут рассмотрены в гл. 4). Здесь имеет место двойственное воздействие, которое следует учитывать в любой теории терпимости: хотя национальное государство и менее терпимо к группам, оно в состоянии вынудить их быть более терпимыми к индивидам. Второй тип воздействия является следствием трансформации групп (частичной и незавершенной) в добровольные ассоциации. По мере ослабления внутреннего контроля меньшинства оказываются способны удерживать своих членов исключительно убедительностью собственной доктрины, привлекательностью своей культуры, удобствами, связанными с пребыванием в их организации, и царящим в организации духом свободы и веротерпимости. На деле существует и альтернативная стратегия: жестко сектантское затворничество. Но им способны воодушевляться лишь борющиеся за выживание остатки истинно верующих членов. В случае более многочисленного членства необходимы и более открытые, более либеральные устройства. Однако и те, " другие могут столкнуться с одинаковой опасностью — опасностью медленной утраты группой присущего ей своеобразия.

Несмотря на все эти трудности, в условиях либерально-демократических национальных государств

¹⁰ О немецких евреях, этом прототипе меньшинств, см. кн.: *Bach H. I. The German Jew: A Synthesis of Judaism and Western Civilization, 1730—1930.* Oxford: Oxford University Press, 1984; *Niewyk D. L. The Jews in Weimar Germany.* Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980.

благополучно продолжает сохраняться целый ряд важных различий, в частности религиозных. На деле меньшинствам — под давлением со стороны национального большинства — часто удается вполне успешно следовать нормам общей культуры и воспроизводить эти нормы. В социальном и психологическом плане их внутренняя организация направлена на оказание сопротивления этому давлению; их семьи, населенные ими кварталы, их церкви и ассоциации служат для них чем-то вроде малой родины, и они всеми силами защищают границы этой родины. Конечно, кое-кто из них отдалается от общины и переходит в разряд представителей большинства, постепенно усваивая стиль жизни последнего, вступая в брак с его представителями, и воспитывает детей, не знающих и не помнящих культуры меньшинства. Но для большинства людей все эти трансформации оказываются непосильными, слишком болезненными или слишком унижительными; они продолжают цепляться за собственное своеобразие и за общество себе подобных.

Наиболее подвержены угрозе вымирания не религиозные, а национальные меньшинства. Когда такие группы компактно проживают на одной территории — как, например, венгры или румыны, — их можно с достаточным основанием заподозрить в стремлении создать собственное государство или присоединиться к соседнему государству, в котором их этнические родственники обладают суверенной властью. Процессы произвольного формирования государства, как правило, приводят к превращению меньшинств в такого рода подозрительные группы, терпеть которые весьма непросто. Пожалуй, в подобных случаях наилучшим для национального государства решением было бы сузить собственные границы, предоставив таким меньшинствам право на отделение или на полную автономию¹¹. В этом случае толерантность в отношении *других* достигается посредством такого ограничения нашего государства, при котором *другие* получают возможность организовать собственное социальное пространство в соответствии с собственными потребностями. Наиболее вероятны, конечно, альтернативные решения: так, например, часто имеет место признание языка меньшинства и передача ему (в весьма ограниченной степени) административных функций; правда, эти меры часто сопровождаются попытками насаждения представителей большинства в политически уязвимых пограничных районах и периодическими ассимиляционными кампаниями.

После Первой мировой войны была предпринята попытка создания гарантий толерантного отношения к меньшинствам в рамках новых (и к тому же совершенно гетерогенных) "национальных государств" Восточной Европы. В качестве гаранта выступила Лига Наций, сами же гарантии были зафиксированы в ряде договоров с отдельными национальными меньшинствами и национальностями. Соответственно, в этих договорах правами наделялись усредненные индивиды, а не группы. Так, в договоре с национальными меньшинствами Польши речь идет о "национальностях Польши, относящихся к расовым, религиозным или языковым меньшинствам". Из этого определения ничего не возможно уяснить относительно автономии групп, передачи на места тех или иных административных функций или контроля меньшинств над школами. Да и сама гарантия прав индивидов была призрачной: большинство новых государств утверждало свой суверенитет путем игнорирования (или аннулирования) названных договоров, и Лига Наций ничего не могла с этим поделать.

Однако существуют все основания повторить данную неудачную попытку — возможно, с более четким определением того, что есть общего у названного усредненного представителя меньшинств с прочими представителями тех же меньшинств. Определенным шагом в данном направлении является Конвенция Организации Объединенных Наций "О гражданских и политических правах" (1966): представителям меньшинств "нельзя отказать в праве обладания, совместно с прочими представителями их группы, собственной культурой или в использовании ими собственного языка"¹². Заметим, что приведенная формулировка выдержана в соответствии с нормами национального государства: в ней не содержится признания группы как коллективного члена; речь ведется лишь об индивидах, действующих "совместно с"; в качестве сообщества здесь выступает лишь национальное большинство.

В военное время тенденция ставить под сомнение лояльность национальных меньшинств национальному государству усиливается — вне зависимости от того, проживает или нет обсуждаемое меньшинство компактно на

¹¹ Именно так рассуждает Уилл Кимлика в кн.: *Kymlicka W. Multicultural Citizenship*. N.-Y.: Oxford University Press, 1995), имея в виду лишь покоренные меньшинства наподобие аборигенов Нового света. В принципе же это суждение применимо и к любому территориально закрепленному меньшинству, обладающему длительной историей проживания на данной территории, но не к эмигрантам — причины этого ограничения я разьясню (со ссылкой на Кимлику) в следующей главе.

¹² Эта и предыдущая цитаты взяты из кн.: *Thomberry P. International Law and the Rights of Minorities*. Oxford: Oxford University Press, 1991; рассмотрение им Данных договоров см на стр. 132—37.

определенной территории, пользуется ли оно международным признанием; причем эти сомнения возникают вопреки очевидным фактам, как это было во Франции с антифашистски настроенными немцами-беженцами в первые месяцы Второй мировой войны. Вновь, как и прежде, терпимость исчезает, стоит только *другим* показаться опасными, стоит только националистически настроенным демагогам изобразить их таковыми. Аналогичной представляется мне и участь, постигшая несколькими годами позже японо-американцев: фактически их соотечественники — "истинные американцы" — поставили их в ситуацию проживания в национальном государстве. На деле же проживающие в Соединенных Штатах японцы не являлись и не являются национальным меньшинством, по крайней мере в традиционном смысле, — ибо где же тогда нация, представляющая большинство? Ведь в Америке большинство является чем-то временным с точки зрения его характеристик, оно складывается каждый раз по-новому применительно к конкретному случаю и конкретным целям (да и меньшинства зачастую носят временный характер; правда, исключение здесь составляет тот исторический факт, что институт рабовладения неизменно предполагал определенную расовую принадлежность раба; но об этом исключении я буду говорить позже). Решающей характеристикой национального государства, напротив, является то, что в таком государстве большинство есть величина постоянная. В национальных государствах терпимость предполагает наличие лишь одного субъекта; она являет собой, так сказать, одностороннее движение — если таковое вообще имеет место. Соединенные же Штаты олицетворяют собой политическое устройство совершенно иного типа.

Иммигрантские общества

Пятой из тех моделей сосуществования, в рамках которых возможны отношения терпимости, является иммигрантское общество. Речь идет об обществе, основанном представителями различных групп, покинувшими изначальные места обитания, родину. Вот они прибывают, один за другим, по одному или семьями, в чужие края и расселяются на новом месте. Хотя прибытие их и носит волнообразный характер, являясь реакцией на различные политические и экономические события, прибывают они не в виде организованных групп. Речь идет не о колонистах, намеревающихся сознательно пересадить родную культуру на новую почву. Ради удобства они сбиваются в небольшие группки, всегда смешанные по своему составу, одинаково пестрые и в городе, и в штате, и в отдельных регионах. Следствием этого является невозможность возникновения какой бы то ни было территориальной автономии. (Хотя Канада и представляет собой иммигрантское общество, явное исключение в ней являет Квебек; его первоначальные поселенцы прибыли не как иммигранты, а как колонисты и уже позже были покорены англичанами. Другим исключением являются здесь народы-аборигены, тоже покоренные. Я же сосредоточусь здесь прежде всего на иммигрантах. О жителях Квебека и аборигенах см. раздел "Канада" в гл. 3; о чернокожих в Америке, ввезенных в качестве рабов, см. раздел "Класс" в гл. 4.)

В данной ситуации желающие сохранить свое лицо этнические и религиозные группы должны существовать в качестве чисто добровольных ассоциаций. Это означает, что равнодушие к ассоциации собственных ее членов представляет для них большую угрозу, чем нетерпимость окружающих. Государство — высвободившись из объятий первых иммигрантов, неизменно полагавших, что они строят национальное государство, господствующей нацией в котором будет именно их нация, — не питает пристрастия ни к одной из составляющих его групп. Оно сохраняет язык первой волны иммиграции и, с известными оговорками, также и ее политическую культуру. Но если говорить о наделении кого бы то ни было преимуществами, то в отношении всех существующих групп современное государство действует, говоря современным языком, нейтрально (да и по сути нейтрально). Оно толерантно ко всем и автономно в выборе собственных целей.

Государство оставляет за собой исключительное право рассматривать всех граждан как индивидов, а не как членов тех или иных групп. Поэтому объектами терпимости являются, строго говоря, индивидуальные поступки и решения, как то: вступление в ту или иную организацию, участие вместе с другими ее членами в соответствующих ритуалах и отправлениях культа, демонстрация культурных различий и т.п. Поощряется терпимое отношение друг к другу отдельно взятых мужчин и женщин, культивируется отношение к каждому конкретному факту различий между людьми как к персонифицированному (а не стереотипному) проявлению культуры той или иной группы. Благодаря этому и в самих группах возникает понимание того, что личности, готовые проявить толерантность, должны мириться с индивидуальным своеобразием других ее членов. А это порождает внутри каждой из групп множество разновидностей одной и той же культуры, множество степеней приверженности к определенной культуре. Таким образом, толерантность принимает совершенно децентрализованный характер: все должны терпеть всех. Ни одна из групп иммигрантского общества не имеет права принудительно вовлекать людей в свою организацию, осуществлять контроль над той или иной

сферой общественной жизни или монополизировать общественные ресурсы. Исключаются любые формы корпоратизма. Для средних школ принципиальной установкой является привитие учащимся в ходе преподавания истории и основ гражданственности представления о государстве как о некоем наднациональном объединении, в основе которого лежит единство политического самосознания. Конечно, данный принцип утверждается медленно и не без погрешностей. Например, в средних школах Соединенных Штатов изначально преподавались главным образом те предметы, в которых англо-американцы находили отражение собственной истории и культуры, восходящих к Греции и Риму; к таковым предметам относили даже классические языки и классическую литературу. Сохранение подобного стандартного учебного плана отнюдь не безосновательно: ведь именно он служит наилучшим контекстом для понимания ныне существующих американских политических институтов (поэтому-то на положение дел не повлияла ни иммиграционная волна середины XIX века, когда прибыли немцы и ирландцы, ни приток иммигрантов на стыке веков, когда добавились народы Южной и Восточной Европы). В более поздний период (а также в ходе третьей великой волны иммиграции, которая исходила главным образом не из Европы) предпринимались попытки включить в учебный план историю и культуру всевозможных групп. Данные попытки отражали заботу властей о том, чтобы все культуры были в равной мере представлены в образовательном процессе; тем самым ставилась цель создания "мультикультурных" школ. На деле же в учебных программах практически повсеместно преобладает Запад.

Аналогичным образом считается, что государство должно совершенно беспристрастно относиться к культуре отдельных групп, оказывая всем им равную поддержку — например, поощряя некую общую религиозность, вроде той, к которой в 50-е годы призывали нас надписи на поездах и автобусах: "Посещай ту церковь, которую выберешь сам". Последнее изречение наводит на мысль о том, что проблема нейтралитета — это проблема чувства меры. Ведь фактически одним группам всегда отдается предпочтение перед другими — в данном случае в предпочтении те группы, чьи "церкви" более или менее напоминают церкви ранних протестантов-иммигрантов; хотя и к другим отношение достаточно толерантное. Кроме того, ни посещение церкви, ни какой-либо другой культурно обусловленный ритуал не был превращен в условие получения гражданства данной страны. Поэтому покинуть собственную группу и отождествить себя с господствующей политической линией (в данном случае "американской") сравнительно легко и отнюдь не унизительно.

Между тем многие люди, живущие в эмигрантском обществе, предпочитают отождествлять себя с некоренным населением, с людьми, обладающими двойственной идентичностью, неоднозначной в культурном либо политическом плане. Так, некоренный житель Америки, вливаясь в ряды итало-американцев делает тем самым свой выбор; сама возможность такого выбора символизирует факт принятия американцами в целом "итальянской составляющей" населения Америки, факт признания ими того, что определение "американец" является, по сути, политическим, что оно практически не связано ни с какой конкретной культурой. В этом контексте определение "итальянец" с неизбежностью приобретает чисто культурный смысл и лишается какого бы то ни было политического значения. Только в этом виде "итальянская составляющая" и может быть терпима, а значит, итало-американцы, если они того желают — и до тех пор, пока они того желают, — могут сохранять собственную культуру, но лишь частным порядком, в форме добровольных усилий и частных жертвований преданных этой культуре мужчин и женщин. В принципе, то же самое можно сказать и о любой другой культурной или религиозной группе, а отнюдь не только о меньшинствах (при том, что, повторим, постоянного большинства здесь как такового не существует).

Способны ли группы выжить в подобных условиях (ведь они не обладают ни автономией, ни возможностью обретения государственной власти либо официального признания, у них нет ни собственной территории, ни даже собственной противоположности в виде какого-либо постоянного большинства) — этот вопрос пока еще остается открытым. В Соединенных Штатах дела у религиозных общин как сектантского, так и "церковного" типа шли до сих пор неплохо. Но одной из причин их относительно успешного существования может быть то, что многим из них фактически приходилось существовать в обстановке изрядной нетерпимости; а нетерпимость, как я уже отмечал, зачастую сплачивает группы. Не столь хороши были дела этнических групп, хотя попытки некоторых наблюдателей вовсе похоронить их, конечно же, преждевременны. Эти группы продолжают существовать, так сказать, в виде "дважды некоренных" американцев: например, группа придерживается американо-итальянской культурной ориентации, а это означает, что она сильно американизирована и на родине, в Италии, воспринимается как нечто совершенно отличное от собственно итальянской культуры; а ее политика является итало-американской, будучи этнически переработанной версией местных политических обычаев и стилей. Посмотрите, сколько в Джоне Кеннеди от ирландского политика, в Уолтере Мондейле — от

норвежского социал-демократа, в Марио Куомо — от итальянского христианского демократа, эдакого интеллектуала от политики, а в Джесси Джексоне — от чернокожего проповедника-баптиста; все они во многих отношениях демонстрируют как сходство с пресловутым англо-американским типом, так и отличия от него.

Трудно сказать, сохранятся или нет эти различия в следующем поколении. Маловероятно, что они перейдут туда в нынешнем своем виде. Но это не означает, что наследники четырех названных типажей, равно как многих других типических фигур, все окажутся совершенно одинаковыми. Возникают все новые и новые виды различий, характерных для иммигрантских обществ. Мы не знаем, насколько "различными" будут на деле эти различия. Режим максимальной (или предельно возможной) толерантности предполагает терпимое отношение к индивидуальному выбору и к персонифицированным версиям культуры и религии. При этом совершенно неясно, явится ли долгосрочным эффектом такого максимализма укрепление групп или их разрушение.

Опасение, согласно которому вскоре единственными объектами терпимости останутся эксцентричные личности, заставляет некоторые группы (или наиболее преданных членов последних) искать позитивной поддержки у государства — скажем, в форме субсидий или подходящих случаю грантов для их школ и организаций взаимопомощи. А согласно логике мультикультурализма, государственную поддержку если и следует оказывать, то в равной мере всем социальным группам. На практике же одни группы изначально окажутся в более выгодном материальном положении, чем другие, и в результате смогут "наложить руку" на все предлагаемые государством ресурсы. В результате возникнет неравномерность распределения ресурсов внутри гражданского общества, при которой степень успешности действий сильных и слабых групп в плане помощи своим членам и удержания их в рамках своей организации будет очень различной. И если бы государство задалось целью уравнивания групп, ему пришлось бы произвести значительное перераспределение ресурсов и вложить в это предприятие изрядное количество общественных средств. Терпимость бесконечна — по крайней мере, потенциально бесконечна; средства же государства (как политические, так и финансовые) по поддержанию групп имеют свои пределы.

Резюме

В заключение представляется целесообразным перечислить по порядку все, что является объектом терпимости в каждом из пяти упомянутых режимов (этим я не хочу сказать, что каждый из них является определенной вехой прогресса, ведь и сам по себе порядок перечисления не является строго хронологическим). В многонациональной империи — обществе интернациональном — объектом толерантности является группа, будь то автономное сообщество или суверенное государство. Ее законы, вероисповедание, судопроизводство, действующие внутри ее фискальные и распределительные процедуры, ее образовательные программы и ее семейные структуры — все это имеет статус легитимности или допустимости, в любой из этих сфер возможны лишь минимальные ограничения, и редко когда они навязываются (могут быть навязаны) силой. Все это можно сказать и о конфедерации, но здесь добавляется некая новая черта: общее гражданство. Применительно к консоциативным устройствам это понятие имеет больше реального смысла, чем применительно к большинству империй; по крайней мере, статус гражданина консоциации открывает возможность государственного вмешательства в действия группы с целью защиты прав личности. В демократических консоциативных устройствах (таких, как Швейцария) эта возможность полностью реализована, при том, что во множестве прочих случаев — а именно там, где демократия слаба, где центральное государство только и делает, что терпит объединенные в консоциацию группы, стремясь удержать их вместе, — права реализуются неэффективно.

Наибольший смысл понятие гражданства имеет в национальном государстве. Здесь объектом терпимости являются индивиды, рассматриваемые и как граждане, и как члены того или иного меньшинства. Их терпят в качестве, так сказать, представителей рода. Вместе с тем национальное государство не может потребовать от индивидов, чтобы их принадлежность к роду была столь же обязательной, как обладание ими гражданством данной страны; группы, к которым они принадлежат, не уполномочены принуждать их к чему-либо, любая попытка такого принуждения влечет за собой агрессивное вмешательство со стороны государства, защищающего своих граждан. Таким образом возникают новые возможности: ослабление связи [индивида] с группой, отсутствие связи с какой-либо группой или ассимиляция в составе большинства населения. Еще более широк набор возможностей в эмигрантских обществах. Терпимость проявляется в отношении индивидов как таковых, и сделанный каждым индивидом выбор воспринимается как уникальный выбор личности, а не стереотипно.

Возникают персонализированные разновидности групповой жизни, а также возможность быть тем или этим весьма многообразными способами, и с каждым из этих способов другие члены группы должны мириться — постольку, поскольку данное многообразие терпимо обществом в целом. Фундаменталистская ортодоксия заявляет о себе отказом принимать данную общую установку на терпимость в качестве обоснования более вольного восприятия собственной религиозной культуры. Порой ее приверженцы занимают позицию полного неприятия режима терпимости как такового¹³.

Гендер

Вопросы, касающиеся строения семьи, роли тендера и сексуального поведения, относятся к числу тех, в которых современные общества демонстрируют больше всего различий. Было бы ошибкой думать, что данное разнообразие само по себе ново: споры вокруг полигамии, конкубината, ритуальной проституции, затворнического образа жизни женщин, обрезания и гомосексуализма делятся на протяжении тысячелетий. В данной сфере специфическим образом преломились особенности культур и религий, приняв форму тех или иных характерных обычаев, а также форму критики "чужих" обычаев. Но предел тому, что может быть предметом обсуждения (и кто может принять в нем участие), устанавливает практически повсеместное доминирование мужчин. Ныне же получившие широкое признание идеи равенства и прав человека ставят эти ограничения под сомнение. Ныне не осталось закрытых для обсуждения тем, критическому рассмотрению подвергается любая культура и любая религия. В одних случаях это ведет к установлению терпимости, в других — наоборот, к разжиганию нетерпимости. При этом теоретический и практический водораздел между терпимым и нетерпимым чаще всего проходит — и устанавливается — с учетом того, что я буду именовать для краткости проблемой тендера.

Великие многонациональные империи обычно оставляли эти вопросы в компетенции составляющих их сообществ. Тендерные отношения считались внутренним делом каждого сообщества и не затрагивали, либо не должны были затрагивать отношений между ними. На общих рынках инородные способы ведения торговли считались нетерпимыми, семейный же ("частный") закон полностью отдавался на откуп традиционным религиозным властям или старейшинам (мужчинам). В их же руках находились устоявшиеся обычаи; имперские чиновники, как правило, не вникали в эту сферу.

Вспомним, как неохотно в 1829 году англичане пошли наконец на отмену в индийских штатах обычая *sati* (самосожжения вдовы на погребальном костре вместе с телом мужа). В течение многих лет ост-индская компания, а затем и британское правительство терпели этот обычай из-за, говоря словами историка XX века, "продекларированного намерения уважать как индуистские, так и мусульманские верования и предоставлять им право свободного отправления культа". Даже правители-мусульмане, не испытывавшие, по словам того же историка, никакого уважения к индуистским верованиям, лишь эпизодически и без особой страсти боролись с этим обычаем¹⁴. Таким образом, имперская толерантность распространялась даже на *sati*, а если верить английским описаниям того, как в действительности подобное происходило, то можно сказать, что толерантность эта была очень и очень велика.

Можно, по крайней мере, предположить, что консоциативное устройство способно достичь аналогичного уровня терпимости, если силы входящих в него сообществ находятся в состоянии, близком к равновесию, и при этом лидеры одного из сообществ демонстрируют сильную приверженность к тому или иному обычаю. Между тем национальное государство, в котором баланса сил нет по определению, не потерпит обычаев, подобных *sati*, в среде национального или религиозного меньшинства. В иммигрантском обществе, где каждая группа является меньшинством в отношении всех остальных, толерантность в таких размерах также невозможна. Пример мормонов в Соединенных Штатах показывает, что такие отклоняющиеся от нормы формы брака, как полигамия, не встречают терпимого к себе отношения, даже когда являются полностью внутренним делом, чем-то, что относится исключительно к домашней жизни людей. В последних двух случаях государство признает

¹³ Читатель может счесть полезным для себя более подробное знакомство с данным вопросом, выходящим за рамки моего сравнительного исследования. См.: Galanter M. *Competing Equalities: Law and the Backward Classes in India*. Berkeley: University of California Press, 1984. Индийская разновидность "компенсаторной дискриминации" была особо предназначена для преодоления собственных старому режиму вековых традиций "стигмации" и нетерпимости, и Галантер доказывает, что попытка достичь этой цели путем набора гражданских служащих из числа "неприкасаемых" позволила Индии сделать, по крайней мере, шаг к достижению поставленной цели, но это был всего лишь шаг.

¹⁴ Griffiths P. Sir. *The British Impact on India*. London: Mac-Donald, 1952, pp. 222, 224.

равноправными гражданами всех своих членов — включая вдов индусов и жен мормонов —" утверждает единство закона для всех. Никаких коммунальных судов не существует; вся страна находится под действием единой юрисдикции, в рамках которой обязанностью государственных чиновников является препятствование, по мере своих сил, совершению *самуи*. Для них это то же самое, что и выполняемая ими по мере сил обязанность препятствовать совершению самоубийства. Если же совершению *самуи* "помогали", принуждая женщину к совершению этого обряда (что на практике имело место довольно часто), то представители власти должны были рассматривать это принуждение как убийство; при этом религиозные или культурные мотивы не могли служить оправданием.

Так, по крайней мере, трактуют данные случаи государства, подпадающие под мое определение национального государства либо иммигрантского общества. Но порой реальность сохраняет в себе элементы далекого прошлого — взять хотя бы такой ритуал, как уродование женских гениталий или, говоря более нейтральным языком, клитороэктомия и зашивание. Обе эти операции обычно прodelываются в целом ряде африканских стран над новорожденными девочками или молодыми женщинами, а, так как никто до сих пор не выступил с предложением об осуществлении гуманитарного вмешательства с целью прекращения подобной практики, можно сказать, что международное сообщество толерантно относится к последней (толерантно на государственном уровне, в то время как ряд организаций, работающих в масштабах международного гражданского общества активно противостоят этому). Данные операции проводятся также внутри иммигрантских африканских общин в Европе и Северной Америке. Запрещение их было особо оговорено в законах Швеции, Швейцарии и Великобритании, хотя серьезных попыток привести запрет в исполнение не предпринималось. Во Франции, этом классическом национальном государстве (являющемся ныне, как мы показали, еще и иммигрантским обществом) в середине 80-х годов жертвами таких операций могли стать около 23 тыс. девушек. Неизвестно, над сколькими из них фактически была прodelана данная операция. Однако в рамках общего закона, запрещающего нанесение увечий, был проведен целый ряд широко освещаемых судебных процессов над женщинами, производившими подобные операции, и над матерями данных девочек. Женщины были осуждены условно. В результате данная практика (если брать с середины 90-х годов) осуждена публично, но на деле к ней относятся толерантно¹⁵

Доводом в пользу терпимости является здесь "уважение культурного разнообразия". Данное разнообразие, если следовать модели национального государства, должно возникать благодаря тому выбору, к которому приходит вся совокупность усредненных членов культурного сообщества. Отсюда появление в 1989 г. петиции, направленной против криминализации того, что французы именуют "эксцизией": "Требование обвинительного приговора против того, что не угрожает республиканскому строю и что, подобно обрезанию, может быть безоговорочно отнесено к сфере личного выбора граждан, явится демонстрацией нетерпимости, способной лишь умножать те самые человеческие драмы, которых она намерена избежать, и обнаружит крайнюю узость представлений о демократии" **. Как и в случае с *самуи*, здесь важно правильно описать суть дела: клитороэктомия и зашивание "сравнимы ... не с удалением крайней плоти, а с удалением пениса" ¹⁶, и если бы обрезание означало последнее, трудно вообразить, что к нему относились бы как к делу личного выбора. В любом случае новорожденные девочки идут на это не по собственной воле. И есть основания полагать, что французское государство обязано защищать их своими законами: ведь некоторые из них являются гражданами, а большинство — будущими матерями граждан Франции. В любом случае они являются жителями Франции и в будущем станут участвовать в социально-экономической жизни этой страны; и даже если они будут продолжать жить исключительно в рамках иммигрантского сообщества, они вовсе не обязаны оставаться в нем (в чем и состоит одно из преимуществ жизни во Франции). В целях заботы о подобных индивидах толерантность определенно не должна распространяться на ритуальное нанесение увечий, так же как не распространяется она на ритуальное самоубийство. Столь крайние проявления культурного своеобразия могут быть защищены от вмешательства извне только в том случае, когда границы терпимости раздвинуты шире, чем это может иметь и имеет место в национальных государствах или иммигрантских обществах ¹⁷.

¹⁵ Данные факты я заимствую из ст.: Winter B. Women, the Law, and Cultural Relativism ¹¹¹ «ance: The Case of Excision // Signs 19 (summer 1994), pp. 939—974.

¹⁶ Цит по: Ibid., p. 951, из петиции, составленной Мартином Лефевром и опубликованной в 1989 г. под эгидой Mouvement Anti-Utilitariste dans les Sciences Sociales (MAOSS). Приводимый там перевод несколько мною отредактирован.

¹⁷ Следует подчеркнуть, что мои доводы нацелены не на причисление подобных

обычаев к разряду уголовных преступлений; для борьбы с ними достаточно было бы той или иной формы государственного вмешательства. Уинтер приводит убедительные доводы в пользу попыток преобразовать сами процессы культурного воспроизводства, предполагающих просвещение взрослых, медий.

В других случаях, там, где нравственные ценности общества в целом — национального большинства либо коалиции меньшинств — не подвергаются столь непосредственным нападкам, религиозные или культурные различия (и "личный выбор") способны послужить оправданием, различия могут быть уважаемы, а нестандартные тендерные практики могут быть восприняты с толерантностью. Такая ситуация имеет место в случае с малочисленными меньшинствами или сектами вроде американских менонитов или хасидов, которым государственные чиновники порой готовы предложить то или иное компромиссное решение (посредниками в достижении которого порой готовы служить суды) — например, отдельную перевозку разнополых учащихся в школьных автобусах или обучение их в разных классных комнатах.

Говоря о более крупных, мощных (и более опасных) группах, следует отметить, что им не так легко добиться аналогичных уступок — даже в относительно несущественных вопросах, — а уже достигнутые компромиссы всегда могут быть оспорены любым членом группы или секты как ущемляющие ее гражданские права. Представим себе, что было заключено соглашение, позволяющее девочкам-мусульманкам находиться во французской школе с покрытой головой, как того требуют их обычаи (а такое соглашение действительно следует заключить)¹⁸. Это было бы компромиссом с нормами национального государства, в котором отразилось бы признание права иммигрантских сообществ на реализацию (весьма скромную) своей специфики в общественной сфере. Что до светских традиций французского образования, то они будут продолжать господствовать в составлении учебной программы и учебного календаря. Представим теперь, что ряд девочек-мусульманок заявляют о том, что ходить с покрытой головой их принуждают их семьи и что данное компромиссное соглашение лишь усилит степень принуждения. В таком случае условия компромисса пришлось бы пересмотреть. В национальном государстве и в иммигрантском обществе — но не в многонациональной империи — право на защиту от подобного принуждения (а тем более на защиту от куда более сурового вида принуждения, коим является клитороэктомия) должно возобладать над "семейными ценностями" религиозного или культурного меньшинства.

Это крайне деликатная тема. Угнетение женщин, о коем красноречиво свидетельствуют такие обычаи, как содержание их в затворничестве, принуждение их к ношению скрывающих тело одежд и нанесение им увечий, имеет своей целью не только обеспечение патриархальных прав собственности. Оно связано также и с воспроизведением норм культуры и религии, и женщины играют здесь роль наиболее надежных агентов. Исторически мужчины являлись более активными участниками общественной жизни — в составе армий, судов, ассамблей и рынков; они всегда были потенциальными носителями новшеств и агентами ассимиляции. Подобно тому, как национальная культура лучше сохраняется в сельской, а не в городской местности, лучше сохраняется она и в частной или домашней обстановке, нежели в общественной жизни; а это в подавляющем большинстве случаев равносильно утверждению о том, что женщины в большей степени являются ее хранителями, чем мужчины. В роли передатчиков традиции выступают колыбельные, которые матери поют детям, молитвы, которые они шепчут, одежда, которую они шьют, еда, которую они готовят, а также домашние ритуалы и обычаи, которым они обучают детей. Как будет осуществляться эта передача с выходом женщины в общественную жизнь? Вопросы ношения традиционных головных уборов в школе становятся предметом столь страстного спора именно потому, что получение образования связано с первым выходом человека в общество.

Вот как выглядит этот спор в случае, когда имеет место столкновение традиционной культуры или религии с национальным государством или иммигрантским обществом. "Вы обязуетесь толерантно относиться к нашему сообществу и его обычаям, — говорит традиционалист, — но, если так, вы не можете отказать нам в праве контролировать собственных детей (и особенно девочек). В противном случае вы не являетесь толерантными по отношению к нам". Толерантность подразумевает наличие у сообщества права на самовоспроизведение. Но это

¹⁸ (*ibid.*, pp. 966—972). Другое исследование на эту тему, автор которого приходит к схожим выводам, см. в ст.: *Cohen-Almagor R. Female Circumcision and Murder for Family Honour Among Minorities in Israel // Schuize K. E., Stokes M., Campbell C. Nationalism, Minorities and Diasporas: Identities and Rights in the Middle East. London: 1. B. Tauris, 1996, pp. 171—187.* Ср. новаторский подход к данному вопросу Анны-Елизаветы Галлеоти: *Galleoti A. E. Citizenship and Equality: The Place for Toleration // Political Theory, № 21 (Nov. 1993), pp. 585—605.* Я многое почерпнул для себя из бесед с д-ром Галлеоти о проблемах терпимости в современной Европе.

право вступает в конфликт с правами отдельных граждан, принадлежавшими некогда лишь мужчинам и потому не столь опасными. Теперь же права распространены и на женщин. То, что права индивидов в конечном счете возобладают, представляется неизбежным, ибо гражданское равенство является основной нормой как для национального государства, так и для иммигрантского общества. В таком случае воспроизведение сообщества станет менее гарантированным или, по крайней мере, будет осуществляться в виде процессов, приводящих к не столь предсказуемым результатам. Традиционалисты должны будут научиться внутренней толерантности — толерантности по отношению к различным вариантам собственной культуры и религии. Но прежде чем этот урок будет усвоен, следует ожидать наступления продолжительного периода "фундаменталистской" реакции, при этом в центре внимания чаще всего будут находиться вопросы тендера.

Некоторое представление о том, какой характер примет эта реакционная политика, дают войны, разгоревшиеся в Соединенных Штатах вокруг проблемы абортов. С фундаменталистской точки зрения, моральная проблема состоит в том, может ли общество терпеть убийство младенцев в чреве матери. Но политический аспект проблемы имеет для обеих сторон несколько иное звучание: кто будет контролировать сферу воспроизводства? Чрево матери есть лишь первая из возможных "контролирующих инстанций"; следующими, как мы видели, являются дом и школа, и они уже стали предметом споров. Окажись эти споры урегулированы — а они рано или поздно будут разрешены в пользу независимости женщин и тендерного равенства, — что тогда останется от культурных различий, составляющих предмет толерантности? Если верить традиционалистам, не останется ничего. Но вряд ли стоит верить им на слово. Тендерное равенство будет принимать различные формы в разных местах и в разные времена (и даже в одно и то же время, в одном и том же месте, но внутри различных групп), и некоторые из этих форм окажутся совместимыми с культурными различиями. Может случиться даже, что мужчины начнут играть более заметную, чем ныне, роль в сохранении и воспроизведении тех культур, ценность которых они провозглашают.

церквей и конгрегации, члены которых свободны отправлять культ самыми различными способами. Это не противоречие между толерантностью и запретами; противоречие заключается в самой идее веротерпимости, ибо практически все религии, пользующиеся толерантностью режима, нацелены на ограничение индивидуальных свобод, являющихся, по крайней мере для либералов, основой идеи свободы как таковой. Сама структура большинства религий подразумевает контроль над поведением. Требовать от них отказа от этой цели или от средств ее достижения значит требовать такого преобразования этой религии, результата которого никто не сможет предсказать.

Конечно, уже существуют и совершенно новые религиозные общины, но они если и удовлетворяют потребности верующих, то далеко не всех. Отсюда возврат сект и религиозных культов, а также фундаменталистских теологических систем, бросающих вызов господствующему толерантному режиму. Предположим, удалось преодолеть все это противостояние (такое же допущение я делал и в предыдущей главе) — что тогда? В чем будет заключаться жизнестойкость и организационная надежность чисто добровольной веры?

Образование

Школы уже фигурировали в этом исследовании, а именно — в обсуждении тендера и культурного воспроизводства. Здесь же я должен обратиться к одной важной теме (и затем вновь поднять ее в разделе о гражданской религии), связанной с воспроизводством самого толерантного режима. Разве не должен данный режим распространяться на всех детей, невзирая на их групповую принадлежность, а также на то, насколько ценны собственные институты данной группы и насколько велики добродетели ее основателей, героев и современных вождей? И разве не будет насаждаемое режимом образование мешать своим однообразием социализации детей в составе различных культурных общин или, по крайней мере, играть роль противовеса этой социализации? В обоих случаях ответ будет несомненно утвердительным. Все режимы должны осуществлять обучение собственным ценностям и достоинствам, и это обучение не может не конкурировать с тем, чему учат ребенка родители или община. Но такая конкуренция способна послужить полезным уроком взаимной терпимости (и связанных с нею проблем). Государственные учителя должны толерантно относиться, скажем, к религиозному образованию вне школы, а религиозные учителя — к организуемому государством обучению основам гражданственности, политической истории, естествознанию и другим светским дисциплинам. Вероятно, детям удастся узнать кое-что из того, что представляет собой толерантность на практике, а когда, например, сторонники креационизма ставят под сомнение то, чему учат в школе на уроках биологии, то дети благодаря этому получают и некоторое представление о сопутствующих

толерантности проблемах.

Наименьшие требования к образовательному процессу предъявляют многонациональные империи. Вряд ли их политическая история, состоящая главным образом из завоеваний, способна была зародить в душах покоренных народов чувство лояльности; поэтому правильной всего было не включать ее в образовательные программы. Чаще преподавалась лояльность императору, изображаемому в виде императора всех народов. Именно император, а не империя, стоял в центре официального образования, ибо последняя часто обладала явно национальным характером, в то время как отдельно взятый лидер мог, по крайней мере, сделать вид, что он выше узконациональных интересов. Иногда императоры действительно стремятся к воспарению, к самообожествлению, освобождающему их от земных связей. Но и требование обожествленного императора, чтобы его подданные молились на него — наводящее на мысль о тех римских властителях, которые пытались воздвигнуть собственные статуи в иерусалимском храме, — является примером религиозной нетерпимости. Школа — это наиболее подходящее место для воцарения имперского лика, милостиво взирающего на учащихся детей, — и неважно, чему именно они учатся и на каком языке, неважно, является ли школа местной или общинной.

Консоциативные устройства тоже способны осуществлять обучение по программе-минимум, в центре которой зачастую оказывается выхолощенная история сосуществования и взаимодействия сообществ и обслуживающих их институтов. Чем дольше длится сосуществование, тем больше вероятность того, что общее политическое будет дополнено соответствующим культурным содержанием (именно это и произошло в Швейцарии), которое составит достойную конкуренцию культурам различных составляющих консоциативное устройство общин. И все же предметом преподавания является, по крайней мере в принципе, политическая история признанного и равноправного сосуществования этих общин.

Совершенно иначе обстоят дела в национальных государствах, имеющих собственные национальные меньшинства, когда одна община находится в привилегированном положении по отношению ко всем остальным. Этот режим гораздо более централизован, чем империи и консоциативные устройства, и потому он больше нуждается (а в случае демократически организованного национального государства нуждается и подавно) в настоящих гражданах — лояльных, ответственных, компетентных и знакомых с жизненным стилем господствующей нации мужчинах и женщинах. Соответственно, целью государственных школ должно быть воспитание именно такого рода граждан. Так, арабы во Франции должны воспитываться в духе лояльности французскому государству, должны интересоваться политикой, разбираться в обычаях и формах выражения французской политической культуры, знать французскую политическую историю и иметь представление об институциональных структурах Франции. В общем и целом все арабы от мала до велика, кажется, соглашались с данными целями образования; свою арабо-мусульманскую сущность они намерены утверждать исключительно через ношение символических одежд, а отнюдь не через изменение учебного плана. Они довольствуются (или делают вид, что довольствуются) сохранением собственной культуры в негосударственных школах, в религиозных заведениях и дома. Но французское гражданство — вещь серьезная, значение которой выходит далеко за рамки узко политической сферы. Его интегрирующая и ассимилирующая мощь проявляла себя в течение долгих лет и может представляться если не детям, то многим родителям в виде опасности, нависшей над их культурой. И чем больше страны, подобные Франции, будут походить на иммигрантские общества (или становиться таковыми), тем легче будет противостоять данной угрозе.

О том, какие формы способно принять это противостояние, можно судить по войнам вокруг образовательных программ, подобным тем, что ведутся в Соединенных Штатах. Здесь детей учат тому, что каждый из них — гражданин плюралистического и толерантного государства, в котором объектом толерантности является индивидуальный выбор каждого в плане отождествления себя с той или иной культурой. Конечно, большинство из них являются изначально "отождествленными" с определенной культурой благодаря "выбору" своих родителей или (как это бывает в случае расового самоотождествления) благодаря месту, занимаемому в системе социальной дифференциации. Но, будучи американцами, они имеют право на последующий выбор и обязаны толерантно относиться к существующим индивидуальностям и к любому выбору, который могут сделать окружающие. Эта свобода и эта толерантность и составляют то, что мы зовем американским либерализмом.

Школы учат детей всех этнических, религиозных и расовых групп Америки быть либеральными в вышеуказанном смысле, а значит, быть американцами — и это весьма похоже на то, как детей французских школ учат быть республиканцами, а значит, быть французами. Но американский либерализм обладает тем культурным нейтралитетом, которого недостает французскому республиканству. Это различие, кажется, соответствует двум политическим учениям: республиканство, как учил Руссо, нуждается в надежной культурной основе, позволяющей поддерживать высокую гражданскую активность; менее требовательный либерализм дает больше простора для частной жизни и культурного разнообразия. Но подобные различия легко

могут оказаться преувеличенными¹⁹. Либерализм также представляет собой солидную политическую культуру, корни которой уходят в английскую историю и историю протестантизма. Понимание того, что американские школы, фактически, несут на себе отпечаток этой истории и едва ли могут быть нейтральны в отношении ее, заставило некоторые непротестантские и неанглийские группы призывать к мультикультуралистскому образованию — что, по-видимому, потребовало бы не вычеркивания из учебного плана истории либерализма, а дополнения его иными историями.

Обычно справедливо утверждают, что суть мультикультурализма — в обучении детей культурам друг друга, в привнесении в образовательный процесс плюрализма иммигрантского общества. Если предшествующая версия нейтралитета, понимаемого — или, точнее, недопонимаемого — в качестве попытки избежать иных культур, ставила своей целью превращение всех детей в просто американцев (что равносильно стремлению воспитать из них поборников английского протестантизма), то идеология мультикультурализма предполагает признание представителей иных культур в качестве некоренных американцев, коими они и являются, и воспитание в них понимания собственного разнообразия и способности радоваться этому разнообразию. Нет основания думать, что это понимание и эта радость каким-либо образом вступают в коллизию с требованиями либерального гражданства, — важно, однако, еще раз подчеркнуть, что либеральная идея гражданства менее обязывает, чем идея гражданина республиканского национального государства.

Но порой идеология мультикультурализма несет в себе и иную программу — программу, нацеленную на укрепление с помощью государственных школ обесцененных или находящихся под угрозой обесценивания идентичностей. И дело не в том, чтобы учить других детей тому, что значит быть в том или ином смысле отличным от других, а в том, чтобы учить детей, выглядящих непохожими на окружающих, тому, как правильно относиться к собственному отличию от других. Таким образом, данная программа нелиберальна — по крайней мере, в том смысле, что она как бы подтверждает установившиеся и предполагаемые идентичности и не имеет ничего общего с взаимностью или с индивидуальным выбором. Возможно, она также предполагает ту или иную форму раздельного образования, подобного тому, что предусматривается теорией и практикой афро-центризма, являющегося способом обеспечения детей чернокожих в государственных школах теми же ценностями, которыми обеспечивает католическая церковь детей католиков в частных школах. Но плюрализм присутствует лишь в системе в целом, а не отдельно в опыте каждого ребенка, так что требуется государственное вмешательство, дабы заставить разнообразные школы непременно преподавать детям — наряду со всем прочим, чему они их обучают, — также и ценности американского либерализма. Пример католиков показывает, что иммигрантское общество может быть устроено подобным образом, по крайней мере, до тех пор, пока большинство школьников учатся в смешанных классах. Вопрос в том, смогут ли сохраняться либеральные ценности в условиях, когда все дети учатся в "собственной" — либо католической приходской, либо афро-центристской — системе образования. В этом случае успех либеральной идеи будет зависеть от действенности внешкольного образования, т. е. от каждодневного опыта массового общения, работы и политической деятельности.

Как терпеть нетерпимое

Должны ли мы терпеть нетерпимое? Этот вопрос часто называют центральной и самой сложной проблемой теории толерантности. Но это не так, ибо большинство из тех групп, что пользуются толерантным отношением при всех четырех режимах, сами на деле оказываются нетерпимыми. Всегда есть некие "другие", которых они не любят и знать не хотят, чьих прав не признают; отношение их к факту существования этих других нельзя назвать ни равнодушием, ни отстраненностью. В многонациональных империях различные нации, пожалуй, находятся в состоянии временной взаимной отстраненности — таким образом они приспосабливаются к сосуществованию с другими в условиях имперского правления. Но будь правителями они сами, потребность в отстраненности исчезла бы и некоторые из них определенно попытались бы тем или иным образом покончить с этим сосуществованием. Есть все основания не допускать такие силы до политической власти, но нет никаких оснований отказаться от толерантности к ним как к составной части империи. То же можно сказать и о консоциативных устройствах, весь смысл

¹⁹ Качественное и обстоятельное рассмотрение требований, предъявляемых к образованию либеральной демократией, см. кн.: Gutmann A. Democratic Education. Princeton, N J.: Princeton University Press, 1987.

конституционной системы которых — в том, чтобы сдерживать аналогичную взаимную нетерпимость ассоциированных сообществ.

Аналогичным образом, терпимы и должны быть терпимы меньшинства национальных государств и иммигрантских сообществ, даже если известно, что находящиеся у власти их соотечественники или единоверцы в других странах проявляют жестокую нетерпимость. Здесь же (во Франции или, скажем, в Америке) данные меньшинства не могут запугивать соседей или преследовать либо подавлять еретиков и отщепенцев из собственной среды. Но еретиков и отщепенцев они вольны изгнать из своей общины или придать остракизму, равно как вольны верить (и заявлять), что такие люди будут навеки прокляты или не допущены в будущий мир или что любая другая группа их соотечественников ведет богопротивную жизнь или жизнь, совершенно несовместную с человеческим процветанием. Именно так считает множество из тех протестантов-сектантов, ради которых был изначально задуман современный толерантный режим и которые воплотили его в реальность.

Смысл отделения, в рамках современных режимов, церкви от государства состоит в том, чтобы лишить политической власти все религиозные инстанции, исходя из реалистичного осознания того факта, что все они нетерпимы, по крайней мере потенциально. Лишение политической власти способно научить их толерантности; правда, скорее они научатся притворяться, будто обладают этим достоинством. Огромное большинство рядовых верующих определенно этим достоинством обладают, особенно в иммигрантских обществах, в которых повседневные контакты как с внутренними, так и с внешними "другими" неизбежны. Но и эти люди нуждаются в отделении церкви от государства, и они, скорее всего, будут поддерживать его политически в качестве приема самозащиты, а также защиты всех остальных от возможного фанатизма единоверцев. Аналогичная возможность фанатизма существует также в рядах активистов этнических групп (в иммигрантских обществах); таким образом, этнос тоже должен быть отделен от государства в силу тех же самых причин. Демократия нуждается в еще одном отделении, суть которого не слишком хорошо понята: отделении самой политики от государства. Политические партии конкурируют за власть и борются за внедрение, скажем так, идеологически окрашенной программы. Но победившая партия, хотя она и может придать своей идеологии вид свода законов, не в силах превратить ее в официальное кредо гражданской религии; она не может сделать день своего прихода к власти национальным праздником, не может настаивать на обязательном преподавании в государственных школах истории партии, не может использовать государственную власть для запрета публикаций или собраний других партий²⁰. Подобное имеет место в тоталитарных режимах, являя собой полную аналогию с теистическим строем. Религии, стремящиеся к официальному статусу, и партии, мечтающие о тотальном контроле, могут быть терпимы и в либерально-демократических национальных государствах, и в иммигрантских сообществах, и, как правило, они пользуются толерантным к себе отношением. Но (как я сказал в начале данного раздела) можно сделать так, чтобы они не могли захватить политическую власть и даже бороться за нее²¹. В отношении их требование отделения означает, что проповедовать, писать и встречаться друг с другом; что же касается их статуса, то им можно позволить существовать только в виде сект.

²⁰ Интересным примером того, что можно и чего нельзя (что следует и чего не следует) делать, является установленный в Соединенных Штатах в качестве общенародного праздника День Труда. Первое Мая был праздником рабочего движения и различных *сочувствующих* партий и сект; он имел специфическое, ограничительное политическое значение, что, вероятно, не позволяло сделать его общенациональным праздником. Переименование этого праздника и изменение его даты, а также широкое и идеологизированное празднование его превратило его в праздник не столько рабочего движения, сколько в праздник самих трудящихся мужчин и женщин.

²¹ Ср. аргументацию Герберта Маркузе, настаивающего на гораздо более радикальных ограничениях: "отмена терпимости на стадии, когда дело еще не дошло до поступков, — на стадии общения посредством слов, печати и Изобразительных средств". (Marcuse H. Repressive Tolerance // Wolff R. P., Moore B., Oz., Marcuse H. A Critique of Pure Tolerance. Boston: Beacon, 1965, p.

Современные проекты

Я исследовал некоторые пределы терпимости, но еще не рассмотрел нетолерантные режимы, а к их числу относятся многие империи, национальные государства и иммигрантские общества. В таких режимах терпимость к различиям подменена стремлением к единству и единообразию. Центр империи ставит перед собой цель создания такого строя, который как можно более походил бы на национальное государство: отсюда кампании по "русификации", проводившиеся царями в XIX веке. Или имеет место усиление давления национального государства на меньшинства и иммигрантов: ассимилируйтесь либо убирайтесь! Или же иммигрантское общество разогревает свой "плавильный котел", желая выплавить новую национальность (обычно отливая ее в форме первых поселенцев или иммигрантской группы). В качестве примера такой "переплавки" укажу на ранее упомянутую "американизацию", проводившуюся в Соединенных Штатах в начале века и фактически являвшуюся попыткой принимать иммигрантов, игнорируя их отличия от американцев.

Иногда попытки такого рода оказываются успешными, с их помощью удается покончить с культурными и религиозными различиями, но порой (в случаях, когда до суровых преследований дело не доходит) результат оказывается противоположным задуманному и различия лишь усугубляются. Представители меньшинств, будучи выделены из общей массы граждан и дискриминируемы из-за своей принадлежности к меньшинству, оказываются вынуждены полагаться друг на друга, что необычайно сплачивает их. Вместе с тем ни лидеры, ни рядовые члены таких меньшинств, даже самые преданные, не хотят жить в условиях нетолерантного режима¹. При наличии соответствующих условий они всегда будут стремиться к той или иной форме индивидуальной или коллективной толерантности: они могут один за другим получать гражданство страны своего обитания или добиваться признания своей группы в рамках как внутреннего, так и международного сообщества в качестве объединения, наделенного той или иной степенью самоуправления (региональной или функциональной автономии, консоциативного устройства или государственного суверенитета).

Две эти формы толерантности — индивидуальная ассимиляция и обретение признания группой в целом — могут быть рассмотрены нами в качестве центральных проектов современной демократической политики. Обычно они преподносятся как взаимоисключающие формы: от преследований и "незаметности" могут-де быть освобождены либо индивиды, либо группы; индивиды же будут свободны лишь тогда, когда покончат со своей принадлежностью к группе. Я уже указал на то, каково было отношение Сартра к данной точке зрения, восходящей к идеям Французской революции. Революционеры стремились первым делом освободить индивида от прежних корпоративных сообществ и поместить его (а позже и ее) в правовое поле, а уже потом они намеревались научить этих обладающих правами мужчин (и женщин) их гражданским обязанностям. А между индивидом и политическим режимом — республикой французских граждан — не существовало (в представлении революционеров) никакого промежуточного звена, и это обстоятельство облегчало, по их мнению, переход от частной к общественной жизни, являясь стимулом к культурной ассимиляции и к более активному участию в политике.

Постепенно постреволюционные либералы и демократы начинали сознавать ценность промежуточных ассоциаций, занимавших это якобы пустое пространство, начав усматривать в них и выражение интересов отдельных индивидов, и школу демократии. Но те же самые ассоциации служат чем-то вроде дома для национальных меньшинств, местом, где культивируется коллективная идентичность и где возможно оказать сопротивление ассимиляционному давлению. Что же до либеральных демократов, то они готовы мириться и с подобной культивацией, и с подобным сопротивлением — но в установленных пределах — т.е. лишь до той стадии (точка начала этой стадии всегда является предметом споров), на которой данные ассоциации либо начинают представлять угрозу для своих членов, ущемляя их свободу, либо выказывают меньшую, чем прежде, преданность республике. Граждане республики толерантно относятся к индивидам, представляющим меньшинства, причисляя их, невзирая на их религиозную или этническую принадлежность, к сообществу сограждан; мало того, они терпят образуемые ими группы — но лишь как вторичные (в самом строгом значении этого слова) ассоциации.

Демократический всеохватывающий подход есть первый из современных проектов. Политика демократически настроенных левых за последние два века может быть представлена в виде серии сражений за признание гражданских прав: евреи, рабочие, женщины, чернокожие и разнообразные иммигранты штурмуют крепостные стены буржуазного города, пробивая в нем брешь за брешью. В ходе этой борьбы они образуют мощные партии и движения, организации коллективной защиты и наступления. Но вступая наконец в город, они вступают туда

как индивиды.

Альтернативой вступлению является отделение. Это второй современный проект: предоставить группе в целом право голоса, место обитания и право проведения собственной политики. И здесь уже речь идет о борьбе не за включение, а за обособление. Главный лозунг этой борьбы — "самоопределение", предполагающий наличие потребности в определенной территории или, по крайней мере, в ряде независимых институтов — а отсюда потребность в децентрализации, передаче полномочий, автономии, разделе или суверенитете. Правильно провести границы — правильно не только в географическом, но и в функциональном смысле — дело крайне непростое. Любое политическое решение становится предметом ожесточенных споров. Но если различные группы хотят быть в значительной степени хозяевами своей судьбы, если они желают иметь соответствующие гарантии, то какое-то решение все-таки должно быть принято.

Данная работа идет полным ходом и ныне: приспособливание старого имперского строя, расширение современной международной системы, умножение числа национальных государств, самоуправление регионов, отличающиеся друг от друга общества, местные органы управления и т.д. Отметим, что в рамках этого второго проекта объектом признания и толерантности всегда являются группы (этнические или религиозные) и их члены, мужчины и женщины, каждого из которых считают обладателем неповторимой или, по крайней мере, исконной индивидуальности. Очевидно, что проделываемая работа зависит от степени мобилизации этих людей, хотя реально взаимодействуют лишь их лидеры, пересекая границы своих сообществ, взаимодействуют один на один (за исключением лишь тех случаев, когда речь идет о войне сообществ). Автономия общин укрепляет власть традиционных элит; консociативное устройство обычно принимает вид того или иного института, закрепляющего распределение полномочий между теми же элитами; национальные государства взаимодействуют через свои дипломатические корпуса и через своих политических лидеров. Что до массы рядовых членов групп, то их толерантность обеспечивается обособлением. Практика обособления базируется на представлении, согласно которому эти люди сознают себя членами определенного сообщества и в основном желают держаться вместе. Они считают, что "добрососедство обеспечивается надежными заборами".

Возможно, однако, и одновременное осуществление обоих этих проектов различными группами или даже различными членами одной и той же группы. Последняя возможность фактически являет собой самую распространенную практику: кто-то стремится за пределы собственного религиозного или этнического круга, заявляя, что является только гражданином, а кто-то желает, чтобы его признавали и терпели именно как члена некоего организованного сообщества верующих или этнических братьев. Своенравные (или же просто эксцентричные) индивиды, вырвавшиеся из объятий своих общин, существуют бок о бок с преданными (или просто инертными) мужчинами и женщинами, чье единодушие и образует эти цепкие объятия; такие сообщества обладают стремлением к самоувековечиванию. В этом случае два названных проекта существуют как бы в соперничестве: что предпочесть — единоличное бегство или преданность группе? И нет оснований предпочитать постоянно одно и то же. Трения должны улаживаться в индивидуальном порядке, каждый раз по-разному, применительно к каждому конкретному режиму (ряд примеров тому здесь уже приводился). Насовсем покончить с трениями не удастся, ибо, если иссякнет преданность группе, от чего будут спасаться бегством отдельно взятые личности? Чем будут они гордиться, если никто не станет препятствовать их бегству? И что же они будут из себя представлять, если тем, что они есть, они станут безо всякой борьбы? Сосуществование сильных групп и свободных индивидов является, при всех сложностях такого сосуществования, весьма устойчивой чертой современности.